

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОРОД В АЗИИ ВЛАДИВОСТОК¹

Ю ХЁ ДЖОН, корейский историк

До середины 30-х годов Владивосток был городом с большим числом жителей азиатской национальности (до начала 20-х годов корейцы и китайцы составляли 75% населения). Но с 1937 г. их стали насильственно переселять в Среднюю Азию. Выселение наряду с закрытием Владивостока привело к тому, что город, находящийся в Азии, в течение десятилетий был полностью от нее отрезан.

В январе 1992 г. Владивосток стал открытым городом, и сюда сразу хлынуло множество китайских торговцев и рабочих, корейцев с разным гражданством. Среди последних были те, кого выселили в 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию, и их потомки. Однако события, которые за этим последовали, говорят о том, что процесс возвращения оказался непростым. Реакция властей и населения была настороженной, даже отрицательной. Особую остроту этой проблеме придают термины, часто используемые в средствах массовой информации типа «желтая опасность», и требования ограничить въезд, изгнать из страны китайцев и корейцев.

Когда в сознании русских сформировалось настороженное отношение к людям с желтой кожей? Есть ли что-то общее у того времени, когда появилось выражение «желтая опасность», и нынешним, можно ли это преодолеть?

Ниже мы попытаемся проследить историю формирования многонационального населения Владивостока, динамику межнациональных отношений на протяжении 130 лет.

«Владей Востоком»! Приход россиян

По Пекинскому договору территория на правом берегу р. Уссури стала частью России и вошла в Приморскую область. Возле бухты с китайским названием Вэйхайвэй (Бухта трепангов) на полуострове находилась тихая рыбацкая деревушка. На этом месте и началось строительство будущего Владивостока. Россия осуществила давнее желание получить незамерзающий порт на Тихом океане. Было это непосредственно перед заключением договора 20 июля 1860 г. Через два года порт начал функционировать. В 1871 г. из Николаевска-на-Амуре сюда перевели штаб Сибирской флотилии и начали строить ускоренными темпами военный порт. Хотя было немало трудностей, прежде всего нехватало рабочей силы.

В 1860 г. на юге Приморской области в бассейне р. Уссури проживали около 900 аборигенов и 1—2 тыс. китайцев, занимавшихся охотой, рыболовством, добычей золотого песка². Первыми русскими колонистами стали казаки. За несение военной службы они получали большие земельные участки. В 1869 г. в 28 казачьих селах проживала 761 семья (5310 чел.). Им выделили 9142000 десятин земли. Часто в качестве рабочей силы использовались солдаты дисбатов (сосланных за провинности)³. Крестьяне ехали сюда неохотно, и в марте 1861 г. вышел указ, в соответствии с которым переселенцы на 20 лет освобождались от подушного налога. На семью безвозмездно выделялось 100 десятин. Однако длительное путешествие и проблемы на местах не стимулировали крестьян к переезду. За первые 11 лет (1860—1871 гг.) в Уссурийский край прибыли 4444 переселенца. За следующие 12 лет (1872—1882 гг.) — только 742 чел.⁴ Столь малыми силами невозможно было осваивать новые территории.

Ситуация улучшилась после открытия в 1883 г. морского сообщения. До 1901 г. морским путем в южную часть Приморской области прибыли 55 тыс. переселенцев. Самый сильный импульс этому дало строительство Транссиба, начавшееся в 1891 г. За 24 года (до начала в 1914 г. первой мировой войны) число крестьян, переваливших Уральский хребет, превысило 4 млн. В результате Приморская область реально стала землей русских людей. Одновременно шел процесс сдерживания переселения иммигрантов с желтой кожей.

«Желтые» переселенцы

В период, когда переселение русских шло крайне медленно, здесь было много иммигрантов из соседних Китая и Кореи, которые стали основным источником рабочей силы. Принятый в 1861 г. «Закон о переселенцах» стимулировал их въезд в Россию. Здесь они становились торговцами, шахтерами, докерами, рыбаками, крестьянами, «обслугой». Их зарплата составляла 50 — 20% ставки россиянина⁵. Многие китайцы, приходя в Россию весной, осенью возвращались на родину (отходничество). В строительстве и жизнеобеспечении Владивостока тех лет их роль значительна. В 1884 г. из десяти жителей города трое были китайцами⁶, которые в основном занимались мелкой торговлей. С началом Сооружения Транссиба иммиграция усилилась. Так, на строительстве Уссурийской железной дороги от Владивостока до Хабаровска работали 10700 китайцев. Большинство из них потом остались в России.

Переселение корейцев значительно отличалось от китайской иммиграции. Въезд корейцев начался в 1862—1863 гг., когда 13 семей перешли через р. Туманган. В 1867—1868 гг. в трех деревнях в районе Посъета насчитывалось уже 1800 чел. В 1869 г. наводнение в Северной Корее и последовавший за ним голод подтолкнули 6500 корейцев покинуть родину, и их количество в этом районе даже превысило численность русских.

Стремительный рост эмиграции беспокоил корейское правительство, официально запрещавшее выезд. Был заявлен протест России, и в 1891 г. российские власти разделили корейцев на три категории. Первая — те, кто прибыл в Россию до 1884 г. (год установления дипломатических отношений между Россией и Кореей). Они получили российское гражданство, на каждый двор было отведено по 15 десятин земли. Вторая категория (въехавшие после 1884 г.) подлежали высылке в Корею в течение двух лет. Однако на практике это не реализовывалось. Часть из них впоследствии получила гражданство. И третья категория — отходники, приезжавшие на временную работу. В 1895 г. корейцев первой категории было 13111 чел., второй — 2140 чел., третьей — 300 чел.⁷ Многие корейцы первой категории позже занимались торговлей: они ввозили быков, зерно, картофель, предметы повседневного пользования, снабжали ими население Владивостока. В 1906 г. около 17% говядины, потребляемой в городе, ввозилось из Кореи⁸.

По мере японской колонизации этой страны, захвата земель, росла эмиграция. С другой стороны, росло число русских переселенцев, все чаще раздавались голоса о «желтой опасности». И тогда российские власти прекратили политику поощрения натурализации, в результате положение новых переселенцев осложнилось. Они стали наниматься к ранее прибывшим соотечественникам, в зажиточные русские хозяйства, на сельхозработы или арендовать землю. Некоторые устраивались горнорабочими в рудники и шахты, становились разнорабочими в городах, их число стало быстро расти. После аннексии Кореи Японией за один 1911 г. их количество увеличилось во Владивостоке с 8 тыс. до 10 тыс. чел., из которых 80—90% были ненатурализованы.

Власть и иммигранты

Со времени основания Владивостока в течение 20 лет вплоть до начала 80-х годов все национальности в области мирно сосуществовали. После 1861 г.

(вышел «Закон о переселенцах») китайцы и корейцы даже без разрешения (визы) своих властей могли въезжать на российскую территорию. Однако в 1882 г. вышел «Исправленный закон о переселенцах», согласно которому въезд иностранцев (именно китайцев и корейцев) ограничивался многочисленными условиями и правилами.

В 1888 г. появился новый закон, по которому пропуск на российскую территорию для корейцев и китайцев в определенных пунктах стал осуществляться при наличии у них загранпаспорта и уплаты сбора в 30 коп. После этого иммигрант мог пребывать в России в течение месяца. Для более длительного проживания необходимо было получить российский вид на жительство с годичным сроком действия и возможностью последующего продления на год. За получение его уплачивался сбор 5 руб.⁹ Эта сумма составляла около 20% среднемесячной зарплаты рабочего. Для других иностранцев сбор за месячное пребывание в России составлял 2 руб.25 коп., вид на жительство стоил 75 коп.¹⁰ Имевшие просроченный документ либо жившие по чужому подвергались штрафу или высылались. Те же меры применялись ко всем, кто пытался пробраться в Россию без документов. Амурскому генерал-губернатору было дано право принимать в российское подданство китайцев и корейцев, взимать с них налоги. С 1886 г. их проживание в пограничных районах с Кореей и Китаем запрещалось¹¹.

Во время двух волн китайской и корейской иммиграции в 1886 г. и в 1890 г. им были строго определены районы проживания. Китайцы и корейцы во Владивостоке вначале расселялись по всему городу, строя незамысловатые хижины. Когда же их численность возросла, власти определили несколько поселений по профессиональным признакам или землям. Районами их совместного проживания являлись так называемый Семеновский Ковш-сенокос (восточная часть побережья Амурского залива) и Матросская слобода (восточная часть города).

Санитарные условия в этих трущобах были ужасные¹², и в результате во время эпидемии холеры 2/3 заболевших в городе оказались китайцами и корейцами. Две эпидемии холеры вынудили власть принять меры. Однако самой первой реакцией была изоляция и высылка людей, принесших «азиатскую холеру». В 1886 г. на окраине города были построены деревянные бараки для китайцев и дощатые домики для корейцев, больных холерой. Здоровых корейцев выселяли в специально отведенное место. Их прежние жилье сжигалось. После того как эпидемия пошла на убыль, большое число корейцев, живших в городе и не имевших профессий, выслали почтовым пароходом на родину¹³.

В 1902 г. в подведомственных приамурскому генерал-губернаторству городах указом предписывалось, исходя из санитарных соображений, создавать специальные кварталы для азиатов. В 1903 г. в северо-западной оконечности города была создана так называемая Корейская слободка. На прежнем месте жительства могли оставаться лица, имевшие российское подданство, владевшие недвижимостью, работавшие по найму в магазинах и лавках (но не в мелких). Во Владивостоке план переселения китайцев в специальный район был предложен еще в 1900 г., но из-за того, что командование Владивостокской крепости, генерал-губернаторство Приморской области и городская управа не сошлись во мнении относительно расположения района, план не был осуществлен¹⁴. В 1911 г. корейцев из центра вновь планировалось переселить в Корейскую слободу.

К вопросу о «желтой опасности»

Строительство Транссиба, начатое в 1891 г., было призвано коренным образом изменить жизнь Дальнего Востока России. Огромные капиталы хлынули в регион. С 1892 г. по 1910 г. население Приморской области увеличилось в 5 раз; число жителей городов — в 7 раз.

Усилилось продвижение России в Китай и Корею. После тройственной агрессии были арендованы Дайрен и Порт-Артур, стало возможным строительство КВЖД и ее Южноманьчжурской ветки. Восстание ихэтуаней привело к оккупации российской армией Маньчжурии с целью создания «Желтороссии», однако поражение в русско-японской войне остановило развитие этих процессов. Почти все, исключая КВЖД, России пришлось отдать Японии. Поражение возродило жупел «желтой опасности», который существовал в общественном сознании со времени китайско-японской войны. Присутствие китайцев и корейцев стали рассматривать как возможность появления здесь движения, аналогичного ихэтуаням, либо как предлог для японской агрессии.

Опасения России объяснялись, с одной стороны, превращением Кореи в протекторат Японии и расширением влияния Японии в Маньчжурии, с другой, — усилением оборонительных мероприятий Китая в этом районе. Все три страны и их народы Россия рассматривала как «желтую опасность»¹⁵. В этом заключалась расистская сущность теории «желтой опасности». Ярким представителем слоя людей именно с таким мышлением был Унтербергер, ставший в 1905 г. губернатором Приамурской области. Особую опасность он видел в корейцах, поскольку они, прожив в России долгое время, не ассимилировались, сохранили национальное самосознание. «В случае войны с Японией или с Китаем на них нельзя будет положиться. Они представляют собой крайне благоприятный контингент для развертывания шпионской сети в пользу противника»¹⁶. Унтербергер препятствовал переходу корейцев в российское подданство, запрещал продажу им государственных земель, их наем на рудники, рыбные предприятия. Жесткие ограничения касались школ, национальных обществ и т.д. В результате репрессивно-ограничительной политики с 1908 г. приток иммигрантов из Кореи резко снизился.

В отношении к китайцам запретительная политика в основном выражалась в увольнении их со строительства Амурской железной дороги. По мнению Унтербергера, в отличие от корейцев, остающихся в России на постоянное местожительство, китайцы не оседали на земле¹⁷ и потому не представляли «желтой опасности». Однако против политики Унтербергера протестовали горнозаводчики. По предложению Унтербергера в 1910 г. был принят «Закон об ограничении прав иностранцев в Приамурском крае и Забайкальской области». Точка зрения Унтербергера была оспорена участниками амурских экспедиций, проводившими по решению правительства в течение 10 лет, начиная с 1909 г., широкие обследования на Дальнем Востоке. Изучением проблем китайских и корейских иммигрантов в них занимались два человека — Граве и подполковник Песоцкий. В отличие от Унтербергера, они высоко ценили корейцев. По мнению Песоцкого, их участие в освоении края «полезно и с государственной точки зрения»¹⁸.

Граве был более оптимистичен: «Занятие корейцев земледелием, освоение целины принесут государству только пользу». Он считал, что надо стимулировать переход корейцев в российское подданство и брать их на военную службу¹⁹.

Весь состав Амурской экспедиции, включая Граве и Песоцкого, к китайцам относился отрицательно²⁰. Мнение участников экспедиции разделял новый приамурский генерал-губернатор Гондатти, сменивший на этом посту Унтербергера. Специальным указом уволенные с золотых приисков корейцы с 1909 г. получили разрешение вернуться на работу в случае подачи заявления о натурализации. Одновременно был разрешен наем корейцев на строительство Амурской железной дороги. В результате число корейцев, пожелавших перейти в российское подданство, к маю 1912 г. достигло 3600 чел.

Корейцы и японо-российские отношения

После русско-японской войны на российской территории появились опорные пункты корейского национально-освободительного движения. В 1908 г.

вооруженные отряды, созданные в пограничных районах Приморской области, участвовали в боевых операциях в Корее. Центром антияпонского движения корейцев стал Владивосток.

После русско-японской войны Япония и Россия заключили ряд секретных соглашений, разделивших Корею, Маньчжурию, Китай, Монголию на сферы влияния. Тем не менее втайне они продолжали считать друг друга противниками и вели приготовления к новой войне. Здесь мнения Унтербергера и Гондатти сходились. Что же касается участников антияпонского движения, то Унтербергер считал, что их присутствие на Дальнем Востоке России даст Японии предлог для агрессии. Гондатти же рассматривал корейских патриотов как потенциальных союзников в будущей войне с Японией²¹.

Владивосток после 1917 г.

Жизнь корейцев и китайцев в России с 1917 по 1922 г. была труднее, чем в имперский период. Они участвовали в борьбе против японской интервенции и сил контрреволюции. Многие погибли в этом водовороте. Те, кто поддержал интервентов, в том числе и японских, после окончания войны вынуждены были покинуть Россию. Однако большинство осталось и включилось в строительство новой жизни. Многие корейцы после поражения восстания в Корее 1919 г. бежали в Россию, чтобы избежать репрессий или продолжить анти-японскую борьбу. Их численность на российском Дальнем Востоке резко выросла. В 1923 г. в Приморской области она составила 106817 чел., или 17% населения региона, в 1926 г. — 168009 чел. Многие корейцы, имевшие иностранное подданство, хотели получить советское гражданство. Но в этом случае их необходимо было обеспечить землей. Власти, усилив пограничный контроль, прекратили допуск новых иммигрантов. Получившим советское гражданство земли выделялись вдали от границы в северных районах; те, у кого не было ни гражданства, ни земли, нанимались работниками в русские хозяйства либо арендовали землю. Основным занятием корейских крестьян стало выращивание риса.

Что касается населения Владивостока, то больших изменений в его национальном составе после революции не произошло. В 1926 г. здесь проживали 65500 русских, 22000 китайцев, 6900 корейцев, 6000 украинцев и 3500 чел. других национальностей. «Войдя в здание владивостокского вокзала, ты как бы оказываешься на Востоке — в Китае, так много там китайцев. Воистину Владивосток — китайский город»²², — писал В. Коларз. Изменения произошли в области политики, культуры, образования. Китайцы и корейцы получили равные права с русскими, в каждый советский орган выбирались их представители. В исполкомах работали корейские отделы, впоследствии реформированные в отделы по делам малых национальностей. Заведующим обычно назначался кореец. Но даже при наличии российского подданства китайцы и корейцы испытывали различные формы дискриминации.

Насильственное переселение

Жизнь иммигрантов после революции резко изменилась в политическом, социальном и культурном плане. Из притесняемой прослойки они превратились в активно функционирующий социум. Конец 20-х годов — это период расцвета восточной диаспоры. Однако уже подули другие ветры. С 1927 г. развернулась «революция сверху», предполагавшая осуществление индустриализации, коллективизации; культурной революции. Первыми пострадали китайские торговцы, составившие ядро китайской диаспоры, и городские корейцы. В процессе их «ликвидации как класса» активно участвовала беднейшая часть китайцев и корейцев, требовавшая убрать «нэпманов».

Коллективизация вначале приветствовалась безземельными корейскими крестьянами, надеявшимися решить эту проблему. Тем же, кто не имел рос-

сийского подданства и не собирался получать его, стало невозможным сдавать землю в аренду. Одновременно возродилось дискриминационное отношение к «восточным рабочим» со стороны русских, в первую очередь к китайцам. В 1929 г. Чжан Цзолинь провел ряд антисоветских акций с целью возвращения КВЖД, что привело к вооруженному столкновению и победе Советской Армии. Волна этих событий докатилась и до советского Дальнего Востока, что выразилось в негативном отношении к Китаю и китайской диаспоре в регионе²³. Дискриминационное отношение к корейцам проявлялось в процессе коллективизации. Например, на один русский колхоз приходилось 10 тракторов, на каждый корейский — лишь по одному, к тому же земли предоставлялись непригодные для обработки. Бывали случаи, когда корейцы получали участки, уже сданные в аренду китайцам, что приводило к межнациональным столкновениям²⁴. Выходившие в Приморье газеты на корейском и китайском языках в начале 30-х годов поднимали этот вопрос, призывая к устранению дискриминации, власти проводили соответствующие мероприятия. Партийные функционеры считали, что восточная диаспора в Приморье связана с населением сопредельных стран и является лучшим пропагандистом ленинской национальной политики в Китае и Корее, а также видели ту роль, которую играли «восточные рабочие» в экономике. В первой половине 30-х годов во Владивостоке и Южном Приморье китайские рабочие составляли 30—40%, но по сравнению с русскими получали более низкую зарплату. Чтобы не потерять дешевую рабочую силу, власти боролись с дискриминацией, однако это не остановило насильственное переселение в 1937 г.

Причину выселения китайцев и корейцев с Дальнего Востока в 1937—1938 гг. в Среднюю Азию и другие регионы многие исследователи объясняют желанием исключить использование их Японией в случае возникновения японо-советского конфликта (войны). Обнаруженные после начала перестройки документы (приказ Сталина и др.) подтверждают это. Импульсом к выселению послужила начавшаяся японо-китайская война. Однако предпосылки формировались еще в процессе агрессии России против сопредельных государств, в результате поражения в войне. Идеи «желтой опасности», сглаженные реализацией политики социалистического интернационализма, возродились и стали основой идеологии выселения корейцев.

Между «окном на Восток» и «желтой опасностью»

Речь М. Горбачева во Владивостоке в 1986 г. открыла новую главу в истории международных отношений. Президент сказал, что СССР не только европейское, но и азиатское государство. Через три года, в мае 1989 г., он посетил Пекин. Стороны договорились развивать взаимоотношения на принципах взаимоуважения суверенитета и территориальной целостности стран, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга. Нормализация отношений сразу отразилась на экономическом сотрудничестве. Рост товарооборота, который отмечался между двумя странами с 1984 г., ускорился: с 2,9 млрд. дол. до 6,6 млрд. дол. В 1992 г. Китай поставлял в Россию мясопродукты, сою, чай, кукурузу, консервы, одежду, пряжу, спорттовары. Россия экспортировала металлопрокат, химические удобрения, цемент, древесину, сельхозтехнику, автомобили, самолеты, запчасти²⁵.

Важность экономических связей особенно видна на примере Дальнего Востока. Здесь живет 5% населения России, регион занимает 30% территории страны; товарооборот с северо-восточными провинциями Китая составляет 1/6 часть товарооборота российско-китайской торговли²⁶. В объеме торговли Амурской области, Хабаровского и Приморского краев торговля с Китаем в 1992 г. составляла соответственно 90%, 84%, 57%²⁷. Объем приграничной торговли провинции Хэйлуцзян составлял в 1988 г. 196 млн. швейц. фран-

ков, в 1989 г. — 570 млн., в 1992 г. — 2,1 млрд.²⁸ В этот период активно учреждались совместные предприятия. В 1993 г. на территории Приморского и Хабаровского краев, Амурской области было создано 278 таких предприятий. В результате в России появилось огромное число мелких торговцев (главным образом со второй половины 1992 г.). Российская таможня не брала с них налоги, если стоимость товаров не превышала 5000 ам. дол. На самолете Харбин-Хабаровск можно было перевезти бесплатно 100 кг груза. Возможность ввоза товаров (в том числе по железной дороге и морем) привела к тому, что для многих китайцев занятие торговым отходничеством стало основной профессией²⁹. Этому способствовала и легализация начала 1992 г. ранее запрещенной в России уличной торговли. В 1992 г. в Россию въехали 700000 иммигрантов, к концу 1993 г. (включая нелегалов) их проживало уже 2 млн. чел., из них на Дальнем Востоке 500—700 тыс., большинство из которых — «челноки».

Это послужило поводом к разговорам о «желтой опасности», «китайской угрозе». Поэтому с 1994 г. началось ограничение притока китайцев, был принят визовый въезд. Незаконно проживающих стали выдворять, но при этом возрос приток нелегальных иммигрантов.

Значительно меньше, чем челноков (с 1988 г.), въезжало рабочих. Сферами их деятельности были сельское хозяйство и строительство. В 1992 г. на уровне правительств был заключен договор о найме китайских рабочих, однако многие под прикрытием работы на стройке занимались торговлей³⁰.

Возвращение дисперсных корейцев

Открытие границ привело к тому, что на Дальний Восток России корейцы стали прибывать из разных стран. Большинство — из Китая (отходники, рабочие); ориентировочно несколько десятков тысяч. На рынках в разных регионах России процент китайских корейцев составлял 25—30%. Корейские отходники из Китая отправлялись также в Южную Корею (около 50 тыс. чел.). В Россию ехали, видимо, те, кому не удалось попасть в Южную Корею.

Наряду с иммиграцией из Китая наблюдается рост числа корейцев, возвращающихся на Дальний Восток из республик бывшего СССР. В 1985 г. их было около 60 тыс: около 40 тыс. на Сахалине, остальные в основном в Хабаровском крае. Сахалинские корейцы были ввезены на остров японскими мобилизационными органами в период с 1939 г. по 1945 г. в качестве рабочей силы. После войны они и их дети остались на острове. На Дальний Восток России возвращались корейцы, в 30-е годы высланные в Среднюю Азию, а также выехавшие с Сахалина (во 2-й половине 50-х годов им разрешали свободное передвижение по стране).

Возвращение корейцев из бывших союзных республик на Дальний Восток началось с 1989 г. До настоящего времени в Приморский и Хабаровский края въехало около 30 тыс. корейцев. Причины — рост национализма в бывших союзных республиках, межнациональные конфликты и войны, ухудшение условий жизни. Кроме того, корейцев привлекают на Дальнем Востоке плодородные земли, возможность заниматься бизнесом и память о бывшей родине. Среди них есть люди, работающие в качестве переводчиков на китайских рынках, в южнокорейских фирмах. В настоящее время разворачивается движение за организованное массовое возвращение на Дальний Восток и создание здесь корейской национально-территориальной автономии, правда, пока оно столкнулось с сопротивлением на местах.

Еще один массив иммигрантов — корейцы из КНДР. Многие попали на лесоразработки после заключения в 1957 г. межгосударственного договора. В отдельные годы на Дальнем Востоке работало до 15 тыс. корейцев. После роста железнодорожных тарифов произошло резкое сокращение производства и как результат — к 1996 г. на лесоразработках в Чегдомыне и в Тынде оста-

лись лишь 5—6 тыс. северокорейцев. Кстати, они находятся в положении экстерриториальности и изолированы от окружающего общества. Многие занимались выращиванием опиумного мака и тайной его продажей. В 1992 г. с лесоразработок начались побег³¹. Северокорейцы работают также в сельском хозяйстве, на стройках Владивостока и других городов. У них достаточно хорошая репутация, и в будущем можно ожидать роста числа таких рабочих.

И, наконец, граждане из Южной Кореи. Их мало, въезд начался позже, однако присутствие этой страны на Дальнем Востоке ощутимо. В импорте региона доля Южной Кореи составляла 11% (на первом месте Япония — 49%). В экспорте — 13% (первое место США — 23%). В целом, во внешнем товарообороте региона Южная Корея стоит на 2-м месте.

Таким образом, на Дальнем Востоке России сконцентрированы корейцы различного происхождения. Эта ситуация способна породить различные проблемы. Одна из них — противостояние Южной и Северной Кореи. 1 октября 1996 г. в подъезде многоэтажного дома был убит консул генконсульства Южной Кореи во Владивостоке. Без сомнения, этот инцидент — один из эпизодов многолетнего противостояния двух стран, ареной которого стал и Владивосток. В перспективе — создание российско-южнокорейского технопарка, другие большие сооружения, предприятия. Есть идея создания на этой территории корейской автономии. Однако построение новой системы сосуществования русских и корейцев оказалось совсем не простым делом.

Китайская угроза. Настороженность в отношении корейцев

Настороженность в отношении Китая, возникшая у россиян в начале 1993 г., объясняется экономическими трудностями после распада СССР. Далее — волна китайской иммиграции и вал китайских товаров. В 1992 г. число китайцев в приграничных российских городах порой превышало численность населения этих городов. Население приграничных с Россией провинций Китая составляет 100 млн. чел. Разумеется, такое соотношение вызывает вопрос, не собирается ли Китай предпринять попытку оккупировать Дальний Восток? Есть и другие факторы, действующие на «нервы» россиян³². К примеру, среди китайских иммигрантов довольно много преступников, совершивших противоправные действия вплоть до убийств на российской территории, сюда проникает китайская мафия, среди китайцев встречаются переносчики эпидемических заболеваний³³. Все это воспринимается как целевая политика КНР, угрожающая российскому Дальнему Востоку. Переговоры по демаркации российско-китайской границы, отражающие отказ от силового противостояния, считаются уступками Китаю, что опять-таки порождает настороженное отношение к великому восточному соседу³⁴.

В газете «Аргументы и факты» осенью 1994 г. опубликована статья «Желтая волна», отражающая мнение россиян по поводу китайской угрозы. Газета процитировала мнение хабаровского обозревателя и пекинского чиновника, после чего изложила собственное видение проблемы. Российские руководители, клюнувшие на дешевую рабочую силу и товары, оценивают ситуацию оптимистично и не думают, что Сибирь и Дальний Восток станут китайской территорией, а их жители — чужими на своей земле. В ходе инцидента на Даманском в 1969 г. китайская сторона заявила, что 1 млн. кв.км территории по ту сторону Амура и Уссури, отошедшие в 1858—1860 гг. к России, являются китайской территорией. Нормализация отношений — дело хорошее, но если вода из китайского чайника пойдет через край, скатерть промокнет в Сибири. Столица Казахстана уже переносится на север из-за того, что Алма-Ата расположена у границ с Китаем. Похожие меры были осуществлены во времена Молотова — переселение китайцев с Дальнего Востока в Монголию в качестве рабочей силы. Вместо желтого населения на благословенные земли Си-

бири нужно поселить бывших русских военнослужащих из бывших союзных республик. По этому поводу председатель парламентского комитета по международным делам заявил что, поселив в приграничные районы «своих», мы создадим волнолом, о который разобьется любая волна иммиграции³⁵.

Введение визового режима, выдворение незаконно проживающих иммигрантов, ряд ограничительных мер и появившиеся после этого статьи указывают на наличие у россиян «пограничного сознания» и недоверия к «желтым» независимо от их подданства. Рассмотрим эту позицию россиян в отношении корейцев. План создания на Дальнем Востоке самоуправляемой корейской территориальной автономии и возвращения сюда ранее выселенных корейцев появился после начала перестройки с целью обеспечить корейцам возможность национального развития. Для этого провели опрос местных жителей. Часть населения была категорически против вселения корейцев, поэтому реализацию плана отложили на неопределенное время. Аналогичная история с созданием корейского технопарка и прилегающей зоны корейского поселения. Из районов, охваченных войной (Таджикистан), продолжается приток на Дальний Восток беженцев. В апреле 1992 г. в газете «Коммерсант» появилась статья, согласно которой ситуация вокруг корейцев еще более ухудшилась. Аренда земли и жилья стала невозможной. Согласно газете, председатель Приморского отделения социал-демократической партии призывал местные власти обратить внимание на захват земли корейцами, возвращающимися из Казахстана и Узбекистана, что может породить национальные распри в Приморье. «Советское общество корейцев» послало Б. Ельцину письмо с просьбой о создании самоуправляемой свободной экономической зоны. Однако, по мнению газеты, целью корейцев было построение посредством этого корейского государственного образования. Как писала газета в Сеуле, состоялось секретное совещание правительства Южной Кореи, на котором приняты решение перенести корейско-российскую границу в глубь российской территории. Сделано это будет за счет земель, заселенных корейцами, вернувшимися на Дальний Восток. Согласно слухам, циркулирующим в Приморье, корейцы после создания СЭЗ обратятся в ООН и потребуют права на самоуправление и отделение от России³⁶.

Статьи демагогического содержания, подобные этой, появлялись и позже. В июле 1996 г. та же газета писала, что начальник Приморского управления внутренних дел потребовал от губернатора и правительства принять закон, жестко ограничивающий въезд, проживание и пребывание иностранцев в Приморском крае³⁷.

К Новому Востоку

В истоках сложного положения, в котором оказались китайцы и корейцы на Дальнем Востоке России, лежит их довоенная высылка и политика Китая и Кореи в отношении восточной диаспоры. Так, активность Кореи зачастую негативно влияла на положение корейцев. Это деятельность христианских проповедников и бизнес лесозаготовительных компаний, угрожающий существованию малых народностей (удэге).

Что касается возвращения корейцев на прежнее местожительство, Верховный Совет России в апреле 1993 г. принял закон о восстановлении доброго имени (репутации) советских корейцев. Правительство обязано оказывать содействие, в том числе финансовое, возвращению корейцев на Дальний Восток. Выселение их в 1937 г. признается незаконным, они политически реабилитируются³⁸. Местные власти с опозданием (в 1996 г.) приступили к осуществлению программы «возрождения российских корейцев». Поскольку финансирования из центра не поступило, не было и реального движения³⁹. К тому же именно в это время начальник УВД края потребовал ограничить въезд в регион иностранцев.

Имя городу, данное в 1858 г., означает «Владеть Востоком». Хотя после распада СССР прошла волна переименований географических топонимов, название осталось. Видимо, россияне считают, что в отличие от других топонимов этот переименовывать не следует. А может быть, в свете последних событий необходимость укрепления границ и защита территории стала еще более насущной. Но и это название и стоящая за ним психология вряд ли соответствуют задачам установления новых межгосударственных, межнациональных отношений.

Новое время нуждается в новом историческом мировоззрении. Без него сколько ни призывай к сотрудничеству — это будет лишь сотрясением воздуха. История региона — это история конфронтации и столкновений, недоверия и насилия, которые должны остаться в прошлом. На смену идее «Владей Востоком» должна прийти концепция «Нового Востока», и работа по осуществлению этой программы только начинается.

- ¹ Автор объясняет выбор японской транскрипции названия Владивостока (по-японски Урадзио-сутуку).
- ² Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С.5.
- ³ Харатэру Юки. История России: Поговорим о Владивостоке (Дайхаккай Хоккайдо кайхацу мондай тэсакай). Сярибари, 1996.
- ⁴ Вада Харуки. Корейцы на российском Дальнем Востоке. 1863—1937. (Токио дайгакусякай кагаку кэнкюдзё). Сякайгаку кэнкю. 1989. Т.40. №6. С.238—239.
- ⁵ Граве В.В. Китайцы, корейцы... С.6.
- ⁶ Харатэру Юки. Сибирская экспедиция: Революция и интервенция. 1917—1922. Токио, 1989. С.14—15.
- ⁷ Вада Харуки. Корейцы на... С.238—240.
- ⁸ Кадзимура Хидэки. Экономика и торговля Северной Кореи до аннексии (Канагава дайгаку кэйдзайгакубу). Б.г. Сёкэй ронсо. С.306—318.
- ⁹ Граве В.В. Китайцы, корейцы... С.21—25.
- ¹⁰ Положение корейцев на Дальнем Востоке России. Отдел иностранных дел корейского генерал-губернаторства. 1907. С.42. Яп.яз.
- ¹¹ Пак В.Д. Корейцы в России. Иркутск, 1994. С.61.
- ¹² Каваками Тосихико. Владивосток. Токио, 1891. С.29—30. Яп.яз.
- ¹³ Матвеев Н.Р. Краткий исторический очерк Владивостока. Владивосток, 1990. С.187—188.
- ¹⁴ Граве В.В. Китайцы и корейцы... С.124—125, 183—184.
- ¹⁵ Аносов С.Д. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1928. С.12.
- ¹⁶ Унтербергер Р.Ф. Приамурский край 1906—1910 гг. СПб., 1912. С.104, 124.
- ¹⁷ Харатэру Юки. Сибирская экспедиция... С.18—19.
- ¹⁸ Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1913. С.104, 124.
- ¹⁹ Граве В.В. Китайцы и корейцы... С.187, 194, 197.
- ²⁰ Там же. С.234—235.
- ²¹ Ю Хё Джон. Корейское освободительное движение на Дальнем Востоке России от аннексии до начала 1-й мировой войны //Тёсэнси кэнкюкай ромбунсю. №22. 1985 г. Яп.яз.
- ²² Вальтер Коларз. Народы советского Дальнего Востока. Нью-Йорк, 1954. С.45. Англ.яз.
- ²³ Там же. С.48.
- ²⁴ Ока Нацуко. Политические и экономические проблемы корейской диаспоры на Дальнем Востоке России: коллективизация и выселение (Токио дайгаку сого бунка кэнкюка тиики бунка кэнкю сэнко сюси ромбун). Токио. 1994. С.38—40.
- ²⁵ Огава Кадзуо. Русско-китайские экономические отношения сегодня: рост и диверсификация, совместные проекты и пограничная торговля //Сэкай суюхо. 1993. 28 дек. С.22—25.
- ²⁶ Миямото Кацуко. Экономическое развитие российского Дальнего Востока и международная торговля (Кобэ дайгаку кэйдзай кэйэй гаккай кокумин кэйдзай дзасси) //1994. №4. С.28—29.
- ²⁷ Виктор Ларин. Снова желтая опасность: Китайцы и российский Дальний Восток. Россия в Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Армонк, 1995. С.292.
- ²⁸ Хисики Киндзи. Рост Китая и обеспокоенный Дальний Восток России: Негативные моменты развития экономических отношений между Китаем и Россией //Сэкай суюхо. 1994. 12 апр. С.23.
- ²⁹ Там же. С.23, 24.
- ³⁰ Оцу Садами. Динамика рынка на Дальнем Востоке России, структура занятости, проблема безработицы //Россия кэнкю. 1997. №24. С.36.
- ³¹ Хонда Ёсикадзу. По дальневосточной границе России. 1996. С.27—31.
- ³² Владивосток. 1992. 4 апр.
- ³³ Хисики Киндзи. Рост Китая... С.25—26.

³⁴ Акино Ютака. Китайско-российские отношения на перепутье // Сэкай суюхо. 7 июля, 11, 18, 25 1995.

³⁵ Аргументы и факты. 1994. №39.

³⁶ Коммерсант. 1992. 20—27 апр.

³⁷ Коммерсант дэйли. 1996. 17 июля.

³⁸ Ю Хё Джон. Корейцы в среднеазиатских республиках СССР // Сэйкю. 1994. №19. С. 126—127.

³⁹ Золотой Рог. 1994. №26.

SUMMARY. «The article «A European City in the Center of Asia. Vladivostok» by a Korean researcher Yu. Kho John, which is translated and commented by Candidate of Historical Sciences Victor Gaikin, shows Vladivostok in the opinion of a foreign observer. Yu. Kho John retraced the history of settling the city not only by Russians but foreigners since the end of the 19th century and till nowadays. Scholar thinks that New Time needs new historical world outlook. History of the region as history of confrontation and clashes must stay in the Past. Now the conception of New Orient is important where there will prevail new inter-ethnic and international relations.

КОММЕНТАРИЙ

РОССИЯ, КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА И «НОВЫЙ ВОСТОК» Заметки о статье Ю Хё Джона

Автор статьи — корейский историк, давно живущий и работающий в Японии, владеет пятью языками (корейский, японский, английский, китайский и русский), что очень важно при изучении истории корейской диаспоры за рубежом — в Китае, Японии, России... Многочисленные источники дают возможность представить различные точки зрения, произвести сравнительный анализ социально-экономических и политических процессов в корейских общинах разных стран.

Работа Ю Хё Джона предназначена для японского читателя и в целом дает довольно объективную картину жизни корейской и китайской диаспор в России и СССР за более, чем 100 лет.

Отдельные положения статьи достаточно спорны. Однако это скорее плюс, чем минус. Сегодня мы имеем возможность читать работы зарубежных политологов, о которых раньше знали только понаслышке. Мнение объективного (а порой и необъективного) исследователя извне позволяет взглянуть на свою страну со стороны, увидеть ее в зеркале неангажированного исследования, поспорить с тем или иным автором.

В первые годы после революции власть позволяла публиковать критические статьи и книги зарубежных авторов. Впоследствии эта практика была прекращена в связи с тем, что социально-экономическое развитие России в 20-х годах, которое шло в соответствии с экономическими законами (нэп) в 30-х годах стало развиваться вопреки этим законам, и критика могла разрушить эту искусственную модель. Сегодня разноплановое освещение нашей истории и современности не вредит, а помогает поступательному движению Российского государства.

Хотелось бы дать небольшой комментарий к интересной работе Ю Хё Джона. Автор пишет, что власти дореволюционной России сдерживали въезд

корейских иммигрантов, и тут же противоречит себе, констатируя, что запрещение въезда в Россию, оказывается, требовало само корейское правительство. Если бы российские власти действительно поставили цель не допустить корейских переселенцев на свою территорию, вряд ли только в Приморье накануне революции проживали бы 100 тыс. корейцев. В России они свободно селились в городах (Владивосток; Уссурийск); в Китае корейцам «позволялось» оседать главным образом в сельских районах и заниматься сельским хозяйством.

Тяжелая жизнь корейцев в дореволюционной России, ярко описываемая автором, не покажется столь ужасной, если вспомнить результаты японского колониального господства в Корее. Известно, что в России корейцы часто арендовали землю, но в самой Корее сотни тысяч крестьянских семей не имели и такой возможности. «Канденмины» — чисто корейский феномен, «лесные люди», насчитывающие около 1,5 млн. чел. выжигали участки леса и обрабатывали их. Во Владивостоке корейцы жили в трущобах, но в городах Кореи число совершенно бездомных измерялось сотнями тысяч. Тот факт, что миллионы корейцев бежали из Кореи в Россию, Китай, Америку, говорит сам за себя.

Не совсем понятно, какую переоценку внешней политики предлагает сделать россиянам Ю Хё Джон. Не Российская империя, а Япония захватила Корею сразу после того, как победила Россию в войне 1905 г. Не Россия, а Япония оккупировала Маньчжурию, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го. Что касается советской России, то именно она оказывала помощь временному правительству Кореи, созданному политэмигрантами в Шанхае, и корейским коммунистам в Маньчжурии, боровшимся за освобождение Кореи. Именно Советская Армия освободила северную часть Кореи в 1945 г. О том, как СССР оказывал военную и финансовую помощь Китаю в борьбе с агрессией Японии, хорошо известно. (В свое время чемпион мира по боксу Кассиус Клей на пресс-конференции заявил об ответственности России за бедность стран третьего мира. Западные журналисты в ответ обескуражили чернокожего спортсмена, объяснив ему, что именно благодаря активной позиции СССР его родина Африка в 60-е годы освободилась от колониального гнета).

Что касается выселения корейцев из Приморья, то его нужно рассматривать в контексте внешней политики СССР в тот период и международной обстановки. Как известно, противоречия между Японией и Россией были «урегулированы» в процессе русско-японской войны 1905 г. и последующими секретными договорами о разделе сфер влияния в Маньчжурии. В первой мировой войне Россия и Япония были даже союзниками. Новая коммунистическая Россия стала рассматриваться Японией не меньшей, если не большей угрозой, чем Россия имперская. Поддержка советской Россией зарубежного коммунистического движения, борьбы закабаленных народов против колонизаторов прямо противоречила политике Японии по созданию колониальной империи. Острота новых противоречий подтверждалась конфликтами на Хасане и Халхин-Голе. Наличие корейской диаспоры в Приморье могло послужить Японии поводом к агрессии, что не раз было в Китае. Таким образом, как это ни парадоксально, выселение корейцев из Приморья в 1937 г. было следствием поддержки советской Россией борьбы народов Китая и Кореи против японской агрессии.

Выселение корейцев с Дальнего Востока проходило на фоне репрессий, которым были подвергнуты миллионы русских, чей генофонд был серьезно подорван. В то же время ни в России, ни в СССР не было ничего похожего на массовые корейские погромы, проходившие в Японии в 1923 г. во время большого землетрясения в Канто, когда погиб 6661 кореец. Массовые убийства корейцев произошли на Южном Сахалине в 1945 г.

Автор считает, что внимание, которое уделялось развитию корейской культуры и экономики в Приморье, объясняется стремлением использовать

эти достижения в пропагандистских целях для стимуляции коммунистического движения в Китае и Корее. Позволю себе с этим не согласиться. Во-первых, союз коммунистической России и колониальных стран являлся объективным явлением, ибо и для той, и для другой стороны «мировой империализм» был врагом номер один. Во-вторых, интернационализм — один из краеугольных камней идеологии социал-демократии, а не взятый напрокат атрибут (хотя назвать большевизм социал-демократией можно лишь с большой натяжкой). В СССР развивались национальные культуры не только корейцев, но и прибалтийских народов, у которых появилась своя литература, и северных народов (В. Санги, Ю. Рытхэу). Темпы экономического развития в Прибалтике были выше, чем в среднем по СССР.

К вопросу о корейской автономии в Приморском крае

Существует старая шутка: один русский — это пьянка, два русских — драка, три русских — партъячейка. Не обсуждая два первых тезиса, скажем, что по третьему пункту с нами могут потягаться именно корейцы. В 30-х годах в Шанхае и Нанкине существовали немногочисленные корейские общины. (В Шанхае в 1935 г. — около 500 корейских семей). На базе этой небольшой диаспоры было создано несколько политических партий, численность некоторых не превышала несколько десятков человек. Каждая партия имела центральный комитет, исполком, отделы: промышленный, военный и т.д. Рядовых членов практически было очень мало. Это говорит об удивительной способности трудолюбивого народа к политической самоорганизации. В случае появления в Приморье корейского этнического массива в нем немедленно зародятся политические структуры, самоуправление и прочие вещи, которые логически ведут к автономии со всеми неприятными для территориальной целостности России последствиями. Поэтому при возвращении ранее выселенных корейцев в Приморье нужно избегать двух вещей: поселения корейцев в приграничных районах; создания корейских автономий (национальных районов с преимущественно корейским населением).

Дело в том, что наряду с тенденцией объединения мира существует контртенденция раскола мира по расовому и национальному признакам. Следует всячески развивать межгосударственное сотрудничество во всех сферах (единая Европа — уже почти реальность). А вот создание в приграничных районах автономного корейского образования будет «работать» скорее на раскол, чем на «единый мир». Это не умозрительная гипотеза, а предположение, основанное на знании исторических фактов. В Китае было и есть подобное корейское национальное образование. К чему это в прошлом приводило, можно узнать, прочитав, в частности, мои статьи «Японский проект Туманган 1907—1909 гг., или Черный ход на материк» (Вестник ДВО РАН. 1995. №6) и «Колонизация в Маньчжоу-Го» (Россия и АТР. 1998. №3). Если говорить кратко, то в 1907—1909 гг. Япония оккупировала корейский национальный район в Китае под демагогическим предлогом «защиты корейцев от хунхузов» и попыталась присоединить его к уже захваченной Японией Корее. В 1931 г. одним из предложений оккупации Маньчжурии стала «защита корейской диаспоры от китайских милитаристов». Апологет японской агрессии в Китае К. Каваками в своей книге, изданной перед вторжением японской армии в Маньчжурию, писал: «Сегодня в Маньчжурии почти миллион корейцев. Эти корейцы надеются, что Япония будет их защищать. Но Япония — не хозяйка Маньчжурии...». (Высказывания Каваками о надежде корейцев на японское покровительство — заведомая ложь). В 30-х годах Япония проводила активную политику по превращению корейских сельскохозяйственных переселенцев в Маньчжурии в своеобразную экономическую «пятую колонну».

Что касается муссируемой автором темы «желтой опасности», якобы разжигавшейся в России и СССР, то будучи объективным исследователем, он фактически опровергает себя сам. Ю Хё Джон пишет: «Против политики губернатора Унтербергера (ограничивавшего въезд корейцев. — **В.Г.**) протестовали горнозаводчики». Результатом этого стало снятие Унтербергера с поста (с должности). Новый губернатор Гондатти поощрительно относился к въезду корейцев и китайцев. Таким образом, экономическая необходимость легко побеждала «желтофобию».

Ю Хё Джон предлагает переименовать Владивосток в «Новый Восток», видимо, предполагая, что изменение приведет к изменению реальности. Однако мы (и не только мы) остаемся пока материалистами, что выражается в формуле «бытие определяет сознание» (а не наоборот). На Востоке та же формула выражается пословицей «Сколько ни повторяй «халва», во рту слаще не будет». В свое время попытка Японии создать колониальную империю называлась красивыми словами «сфера взаимного сопроцветания». Однако от этого жизнь покоренных народов к лучшему не изменилась.

Рецензент вполне согласен с Ю Хё Джоном в том, что на смену эпохи, лозунгом которой был «Владей Востоком» и которая характеризовалась государственной экспансией, колониальными войнами, должна прийти эпоха нового Востока. Попробуем развить эту идею, прогнозируя будущее Евразии в XXI в., исходя не из благих пожеланий, а из законов развития общества. В конце XXI в. «выход человека из сферы производства», предсказанный К. Марксом, приведет к смене доминантного конфликта в человеческом обществе, которым на протяжении по крайней мере 5 тыс. лет был конфликт экономический.

Новым доминантным конфликтом согласно гегелевскому закону «отрицания отрицания» (спираль развития) вновь станет тот, который был главным в первобытном обществе — межрасовый. Однако никакой фатальной неизбежности в расовых войнах нет. Если использовать контртенденцию — глобальную экономическую интеграцию, которая быстро развивается, можно предупредить межрасовые конфликты, создав разнорасовые союзы. Роль основной интегрирующей силы история, видимо, предназначила России, в которую уже входят республики с монголоидным населением — Бурятия, Татарстан, Якутия... Необходимо, думаю, приложить все усилия для присоединения к России Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Монголии (предупредив их интеграцию с Китаем). Это сообщество станет основой Евразийского союза, открытого для вступления других государств (на мой взгляд, идеальным президентом Евразийского союза стал бы Сергей Шойгу, у которого мать — русская, отец — тувинец). Как это ни фантастично сегодня звучит, но в Евразийский союз сможет вступить единая Корея, всегда тяготевшая к России и проявляющая интерес к христианству (я обнаружил, что в Пусане христианских церквей во много раз больше, чем во Владивостоке). В союзе с Россией Корея будет равноправным партнером, а не «младшим братом», в случае союза с Китаем. Следующий участник — Япония, ибо в XXI в. определяющим для экономического развития станут размер территории и наличие природных ресурсов. Резкий рост народонаселения, который уже прогнозируют демографы, сделает территорию земного шара самоценной. И в этом у России нет конкурентов. Евразийский союз сможет заключить с Европейским сообществом и Китаем тройственное соглашение, которое в XXI в. станет гарантом мира на планете.

Перевод статьи Ю Хё Джона и комментарии к ней выполнены кандидатом исторических наук **В. А. ГАЙКИНЫМ**